

Радим Бусырев

ПОКА ИГРАЕТ СКРИПАЧ

Skleněný můstek 2013

Радиум Бусырев

ПОКА ИГРАЕТ СКРИПКА

199 стр.

ISBN 978-80-87940-07-5

Содержание

ЗАВЯЗКА

Как серпом...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

До 23 июля 1971г.

1. Сроком на два года
2. Диалектика
3. «Военка»
4. Уже в Министерстве Обороны СССР
5. Последний перекрёсток
6. Цветочки кончились
7. Со второй попытки
8. Суровые будни
9. Полигон
10. Накануне

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Заполярный детектив

1. Караул вызывать надо
2. Осознание
3. Да, спёрли
4. К нам едут...
5. Сами с себя спросили
6. Сено – солома
7. Семь штук – это перебор
17. Мистика
9. Маразм крепчал
10. «Ай, ни забуду!»
11. Дуракам везёт
12. Любой ценой

- 13. Немного о любви**
- 14. Сокол наш отлетался**
- 15. Со слезами на глазах**
- 16. Политический приказ**
- 17. Дембель неизбежен**
- 18. Пока играет скрипач**

ЗАВЯЗКА

Как серпом...

- Гранаты не нужны, а? Товарищ лейтенант? – осипшим голосом заставил меня споткнуться Соловей-разбойник.

Я чуть не ткнулся носом в сопку, поднимаясь по тропе на третий пост.

- Чего-чего? - только и смог я ответить на такой сатанинский вопрос Соловья.

Глаза у него безумные постоянно. Роба действительно разбойничья. Дико похож на артиста Николая Крючкова. Особенно в «Деле Румянцева». И всегда она у него медно-красная. И на лютном морозе, и под ярчайшим заполярным солнцем. От него все шарахались. Как от мастера Безенчука. Никогда даже на «разборах полётов» начальство не зацепляло его особо. Прапора по ГСМ, вещевого старшину, зав столовой – дрючат. Не говоря про всех строевых - что офицеров, что старшин. А Соловьёв стараются даже в буркалы его шальные не глядеть.

Разбойник – завскладом артвооружения. Старшина-сверхсрочник. По штату – мой подчинённый. Вот уж угораздило.

Но, вообще говоря, мне тогда очень повезло. По большому счёту.

Уставился я затравленно на Соловья-разбойника. Он мне в ответ поясняет, в ухо жарко дышит:

- Да Ф-1. Гранаты. Лишние. Хер знает, откуда они берутся? Сношаются и размножаются, что ли сами?

К гранатам соловьиным я остался равнодушен. В те времена они мне были совершенно безразличны. Моё счастье!

С другой стороны, судьба меня оберегла, и у старшины на тот момент, «хер знает откуда», излишка шпалеров¹ не образовалось. К оружию, особенно к пистолетам, у меня какая-то наследственная тяга. Это мне в скором времени и аукнулось. Но, слава Богу, легонечко.

А случись в тот момент у Соловья перебор в стволах, да откликнись я, хоть на словах, личным интересом... Страшно подумать. Ох, и отозвалось бы мне добровольное желаньице послужить на мужественном

1 Что такое «шпалер», пояснять излишне. Сейчас любая барышня рюхает в таких терминах. Благодаря детективам и TV. Отмечу только, что здесь – пистолеты системы Макарова (ПМ).

Советском Севере. В Заполярье.

А лето было удивительно жаркое. Коротенькое северное лето. Полярный день. Круглые сутки солнце. 1971 год. Посёлок Печенга. Железнодорожная станция Печенга. Мы – между ними.

Направо – бухта Лиинахамари. Налево – Заполярный, Никель. Это – если смотреть на карту Союза. Теперь - на карту России. Прямо через сопки – Норвегия. По прямой – пять километров. Между нами и границей – только погранзастава.

Далее – НАТО.

Мы – это отдельный зенитный дивизион. Не дай Бог, случись чего, стрелять придётся – мы засадим четырьмя батареями АЗП-57. Это – автоматическая зенитная пушка калибра 57 мм. Хотя по небу, хоть по земле. Сразу, может, и не попадём. Но мало не покажется. Уверяю Вас. Первый раз был на учебных стрельбах в институте – в низу живота образовалось удивительное незнакомое ранее ощущение лёгкости. А батарея лупила не по мне. Я рядом стоял. Вернее старался стоять. Земля под ногами подпрыгивала. Ухи сразу заложило напрочь. Было от неожиданности страшновато. И удивительно радостно. Мощь обалденная. Это у зенитной батареи. А чего тогда говорить про ракеты?

Не буду болтать про них ничего. Раз ничего не знаю.

Мне нужно было взбираться на сопку пологую, где склад артвооружения располагался. Заняться перекладкой боеприпасов. И запасных стволов. На каждую батарею положено по две штуки. Я тоже раньше не знал, зачем они могут быть нужны. А как прибыл в часть – на другой день понял.

Приехал из Мурманска на автобусе очень поздно. Сентябрь месяц. Уже почти полярная ночь. И северное сияние мне показали. И метель продемонстрировали осенью. Намекнули на широкие возможности местных метеоусловий. Ласково, шутя, намекнули.

Переночевал я в домике у будущих моих сослуживцев. Из младшего офицерского состава. Кажется, ни грамма не выпивали.

Утром представлялся командиру. Ещё по гражданке. Я имею в виду одежду. Переодевать начали после обеда.

Собирался на службу – видимо какой-то предохранитель в башке перегорел. Хотел ехать в чём похуже. Стал готовить брезентовую куртку, штаны экспедиционные. Рюкзак естественно. Отец глянул и вразумил придурка:

- Ты кем служить-то идёшь? Раскинь мозгами. Или тебя уже разжаловали в рядовые за время отпуска?

Какие золотые были годы! С отпуска начинали. Не ценили. Но об этом после.

Выходя из комнаты, батя обиженно добавил:

- Меня не позорь.

С 41-го года он прослужил 25 лет. Вышел в отставку майором.

«От Москвы до Бреста нет такого места...» Его военная профессиональная песня. От него и его друга, тоже военного журналиста, Ваньки Прохвятилова, впервые лет в шесть-семь её и услышал. Куплеты у них были маленько переиначены, знамо дело:

«Так выпьем за шагавших,

Выпьем за писавших,

Выпьем за лежащих под столом».

У моего друга, по Политеху, Альки Шикирина, отец тоже был военный писака. Так он, Алька, утверждает по пьянке, что помнит эту песню с трёх лет. Врёт, сволочь, и не краснеет. Он, правда, вообще никогда застенчивостью не выделялся. А по поводу ранних детских впечатлений я как-нибудь попозже отмечусь. Если не забуду.

А отец снова ко мне заглянул и ещё довесил:

- В Дом офицеров ведь на танцы попрётесь сразу же. Зенитки всегда в гарнизоне где-нибудь стоят. Ох, как цивильное-то пригодится. Меня и вспомнишь тогда.

Ведь как в воду глядел, Царство Небесное. Так – послужил. Знал, что говорил. В Румынии от кого-то убегал, можно только догадываться, уже в 50-х годах, будучи капитаном, со второго этажа прыгал, руку сломал. Я расспрашивал – ничего не говорил. Только глаза замасливались. Ходок был. К старости на артиста Кирилла Лаврова походил очень. А у меня внешность подкачала. Не с кем меня сравнивать.

Предстал я перед подполковником Дьяковым в белой рубашке с галстуком. Так же чистенько и аккуратненько, как на праздник, снизошёл в нашу часть позднее Мишенька Иванов. Белобрысый, ну прямо юный Есенин, новоиспечённый геолог, дальний потомок Хозяйки Медной

горы. Всех остальных обидеть не хочу, но прибывали некоторые в одежаниях странных.

Комячило – в ватнике, русских сапогах, щетина до глаз, пьян до изумления. Гордый выпускник горного факультета Ленинградского Горного института.

Рассказывали, что Цыпардей, молдаванин спод Одессы, заявился в тренировочных штанах и майке. Тоже в сентябре. Припорошенный снежком. Но с документами. Со здоровенной шишкой на затылке². Уверял, что в Мурманске напали на скромного выпускника Львовского Политехнического нехорошие моряцкие мужики. Но «ксиву» он врагам не отдал и на службу прибыл. Хотя и с опозданием. На трое суток. Цыпу я видел пять минут. Я прибыл, а он уже неделю как праздновал дембель. Всё никак не мог уехать. Мне сказал, меня не видя, но почему-то слыша:

- Вадим? Ты Вадим? А почему?

Мотая дико обросшей курчавой цыганско-молдавской башкой (его два года дручили за причёску, стригли, он на другой день был опять обросший), глядя восхитительно пьяными шалыми глазами куда-то в сторону Одессы-мамы, глубокомысленно продолжил:

- Вадимы, они все - как у второго Толстого - Роцин. В воде болтающиеся. Меж берегов.

И ушёл. Расхлябанной походкой.

Благословил меня на службу. А может на целую жизнь?

Много о нём ходило воспоминаний. Цыпардей. Цыпа. Кто он был? Цыган или цыганка?

А Борька Попов, тот и взаправду прибыл в туристском снаряжении. И с рюкзаком. Абалаковским. И ему было на всех глубоко наплевать, чего о нём подумают. С высокой горки. В прямом и переносном. Вы уже догадались, почему? Правильно. Мы с ним жили потом в одном домике. И у печки, бывало, вспоминали его любимую:

«Если друг оказался вдруг...»

И он имел право напевать её.

Скалы бухты Лиинахамари в свободные минуты облазил в одиночку.

А Гришка Гарбузов, ну, бля, артист непризнанный! Где-то раздобыл

2 Про шишки на бошках будет позже отдельный разговор. Это мы проходили. Лишний раз убеждаешься, что нет ничего нового под этой луной. (Так что ли выражаются? Я что-то забыл.)

старую суконную «москвичку». После войны комсомольцы такие носили. Как молодой Лановой в «аттестате зрелости». Портфель задрипанный. С материалами последнего съезда КПСС и уставом ВЛКСМ. Ясное дело, и со значком на этой самой «москвичке». Очки нацепил. Покойной тётки Цили, что ли? Потом все два года службы в подпитии сетовал:

- Я чуть глаз не испортил в этих грёбанных очках. Старался, старался... И к Дьяку так припёрся, и к Ваське-замполиту. У меня ж призвание. Хотел вожаком быть.

И волоокими зелёными арбузными зенками обиженно моргал.

- Не вышло. А я человек тонкий, чувственный. Мог бы молодёжь повести. В светлое завтра.

Один, пожалуй, Белоус только уже в форме лейтенантской и прибыл. Представлялся, будучи бывалым, повидавшим. Так его к нам и перебросили. Подфартило Мишане. Из Европы – да и прямо в ж.... Как он сам любил повторять:

- Да... Бывает, бывает. И на «ё» - ... и «я» - ..., бывает.

Ох, Ребята-Товарищи. Как нам трудно с Вами будет. Чувствуете? Ужасно не собранно, не компактно у меня получается с пересказом Былого. А помочь ничем не могу. Терпите.

Или плюньте, не терпите. Терпеть – вредно.

Дьяк сидел в своём кабинете в шинели и шапке. Все уже в Печенге в шапках ходили. Осень выдалась холодная. Или это зима была ранняя?

Доложил. Стою, молчу. Командир снял шапку. Она у него была общевойскового образца. Не заполярная, которая с длинными ушами, чтоб под подбородком застёгивать

внакладку. «Полтора оклада»³ называлась. Но очень щеголеватая была шапка. Специально отобранная, значит. Имел право, ничего не скажешь.

Встал из-за стола. Подошёл ко мне. Внимательно осмотрел. Кабинетик был небольшой. Место не позволяло, а то он явно меня обошёл бы вокруг. Стройность, статность, осанка – были у Дьяка потрясающие. Голову держал всегда навскидку. Такой выправки, ни до, ни после ви-

3 За Полярным кругом должностной оклад был в полтора раза больше, чем на Большой Земле. Это очень сильно душу согревало.

деть не довелось ни у кого. Мордой – вылитый горбоносый Гришка Мелехов. Но тот, судя по Шолохову, имел вислые плечи. Дьяк ни на грамм не ссутулился даже под ударом судьбы, что ожидал его в недалёком будущем.

Вернулся к столу. Снял шапку. Пригладил чёрную прекрасную шевелюру. В обычном состоянии взгляд его был чем-то всё время мучительно озабочен. Это было обманчиво. Орать на всех подчинённых он умел залихватски.

Спросил меня раздумчиво с оттенком жалости:

- Вы ленинградец?

Может, надо было браво заорать: «Так точно, товарищ подполковник!» Я почему-то на его же ноте, смущаясь, промямлил:

- Да, вот получается, что так.

- С лейтенантом Дмитриевым я говорил, - медленно задумчиво молвил Дьяк.

В домике у Дмитриева я ночевал.

- Вы слесарем работали? – с какой-то тайной надеждой душевно поинтересовался командир.

«Опаньки! Я, бляха-муха, инженер-геофизик, а не...», - обиженно-удивлённо зашуршало у меня в голове. Но тут я сообразил, что за чаем Вовке Дмитриеву сболтнул о своём доинститутском «происхождении». О Школе рабочей молодёжи и, смешно вспомнить, слесарничестве в Военно-медицинской академии.

- Ну, было до института, - стал я оправдываться.

- Во! И замечательно, - ненатурально оживился Дьяк, - напильник от зубила значит отличаете. А то у нас все офицеры больше по этому делу...

Я подумал, что командир сейчас щёлкнет себя по горлу. Это я понял бы. Но он закончил совершенно неожиданно:

- По портянкам больше, - и опять очень загрустил. Он и тосковал сидя за столом - с гордо вскинутой головой.

Позднее я понял, почему командир сокрушался за портянки. Последняя вещевая проверка этой службы, выявила из рук вон плохой их учёт (или из ног вон?). Мы так до конца службы и не смогли по этой статье отчитаться. Я не вру. Спросите, у кого хотите.

- Я тоже в молодости в паровозном депо крутился.

Глаза Дьяка затуманились воспоминаниями. Встал, опять подошёл к

окну. Солдатики, как положено, мели плац от новенького снежка.

- Лейтенант Дмитриев предложил Вас назначить на должность начальника артиллерийских ремонтных мастерских. Пойдёте?

- Так я, как-то..., - замямлил я, прибалдев.

- Вот и хорошо.

Командир, чётко печатая шаг даже в своём кабинетике, вернулся за стол, как на трон.

- Мастерские – отдельный зенитный взвод. На правах батареи. Оклад у начальника выше, чем у простого взводного⁴. Обмундируйтесь. Езжайте в округ на курсы, - Дьяк прихлопнул на столе какую-то бумажку. Встал. Подошёл ко мне. Опять загрустил, - Сам бы пошёл. Поближе к орудийным стволам. Но... Некому передать пост.

Чуть у меня слезу этим не вышиб.

- На сборах присматривайся, лейтенант, к службе артвооружения. Станешь начальником. Иди.

Пошёл я. Растроганный. Через плац. Подметённый. В ангар взвода ремонтной мастерской. Сказать Дмитриеву, что вот он – я. Начальничек мастерской.

Захожу. Гляжу: по углам машины, ремонтные «летучки»⁵. Посередине – ствол зенитки. Кривой.

Тогда-то я и понял впервые, что стволы орудийные не только от длительной стрельбы снашиваются. Бывают и другие ситуации. Раз... .. разгильдяйские. Скажем так. Об этом немного погода, пожалуй, поведаем. Вместе с моими однополчанами.

И вот сейчас шёл я считать и перекладывать эти запасные стволы. Лейтенант Павлюк с моими солдатами из ремонтной артиллерийской мастерской ждали меня. Что-то они там уже пересчитали. Из боекомплекта.

И, что характерно, весьма успешно. Судя по предложению Соло-

4 У командира огневого взвода оклад был в те времена 100 руб. У командира батареи – 120. У начальника мастерских – 105 руб.

5 «Летучка» - жаргонное название любой ремонтной автомастерской. Их во взводе было шесть. Все – мягко говоря – разукомплектованные. Все на ходу, но... Внутри всё растащено.

вья-разбойника. По поводу гранат. Павлюк недели полторы назад принял должность начальника артвооружения. Сменил на этом «огневом складском» посту Дмитриева. Стало быть, не как Дьяк, загрузивший тогда, решил вытанцовывалось.

Теперь Павлючина год будет надо мной непосредственно властвовать. На десять рублей меня в окладе, превышая. Если демобилизуется, не захочет остаться «в кадрах», то меня, может, будут запихивать на его должность.

А сейчас ждём тревогу.

И поэтому всё пересчитываем. Павлюк – очень сдержанный, малоразговорчивый индивид. С явным закарпатским акцентом. Оттуда родом. Дотошный, ему на бухгалтерском бы месте – в самый раз. И очки с толстыми линзами при нём. Говорит всегда очень негромко. Сейчас – особенно. Мы ж на складе артвооружения. Кругом порох, снаряды да гранаты разбойничьи. Вдруг чего взорвётся? Кивает мне Павлючина:

- Пойдём, покажу, где стволы запасные лежат. Примеришься, как грузить-вывозить будешь.

Сто лет бы мне эти дула не видеть. А идти всё равно надо. Тем более – не очень-то руки в брюки и постоишь. Комары, зараза, жрут – мочи нет никакой.

Двинули к маленькому сарайчику в углу поста. У самой ограды из колючки. Левее – вышка с часовым. Пост – трёхсменный круглосуточный. По моим хилым мозгам – так он главнее первого поста, что в штабе у знамени с полковой кассой. Сейчас круглые сутки солнце. Погода – чудо! Часовые с вышки не слезают. Им там кемарить удобнее. Перед глазами у них: либо небо, либо сопки и этот сарайчик. В сарайчике стволы запасные и ещё небольшой закуток. В закутке – стрелковое оружие. Автоматы и пистолеты.

Подходим. Павлюк чуть впереди меня. Два солдатика моих – сзади. На двери сарайчика замок амбарный и бирка с печатью. Володька, начальник артвооружения отдельного зенитного дивизиона, берёт бирку в руки с некоторым недоумением. Ни хера не понимая, вертит её в руках. Я и солдаты обступили его с боков и присматриваемся...

Печати нет. Оттиск на пластилине отсутствует.

Начиная с этого момента, служба наша разделилась на две части. До 23 июля 1971 года – и после.

Ни черта этого мы тогда ещё не почуяли.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

До 23 июля 1971г.

1. Сроком на два года

Родители хотели меня отдать в Суворовское. Помню такое поползновение. Точнее сказать, изъявлял подобное желание отец. Скромно намекал мамаше. Она, когда была не очень довольна, по обыкновению, поджав губы, молчала. А я – орал. Я не желал, точно помню. Вид суворовцев, да ещё строем, в районе Невского и Садовой, меня раздражал хуже дворников на улице или сторожих в Таврическом саду.

Кончал восьмой класс – в стране нашей ввели одиннадцатилетку. Юношеская составляющая школьников бросилась врассыпную. Проболтавшись ещё один год в школе дневной, переметнулся в вечернюю. И с папаныкиной подачи попал на работу к военным медикам. Они мне показали, как людей режут (и живых, и почивших). А также продемонстрировали, как в армии «прогибаются и лижут». И к тому, и к другому, видимо, мне ещё рано было прикасаться. В результате я очень надолго от краснотемной романтики отвернулся.

И пришло время распределения. После института. Все люди - как люди, в коридоре толпились, переживали. Куда-то пошлют, как-то судьба сложится?

У нас в Ленинградском Горном в те годы - в начале семидесятых - добрая треть мужичков-выпускников на такой животрепещущий праздник могла не ходить. И не ходили. Я точно не ходил. На другой день или через день, не помню, зашёл в деканат и расписался в ведомости, что «согласен». И подпись.

Распределили нас в Министерство Обороны СССР. Об этом все, кого Родина позвала в первую очередь, знали заранее. А понадобились мы на два года. И погнали всех, окончивших военную кафедру, на учебные сборы. В город Выборг.

Скучно я всё это излагаю? Согласен. Заунывно. Но порой было и развлекательно. До действительно службы. Пока учились. В школе и в институте.

Мудрое руководство нашей державы очень любило в те времена ракеты. Беззаветно. И подводный флот. Такая молва до нас доходила. До низов. Если любят кого-то одного, то другим достаётся знаков внимания и благ меньше. Это закономерно.

Обделёнными оказались и зенитки.

Но, повоював в районах древних пирамид и вьетнамских джунглей, советские военачальники были вынуждены признать, что в чём-то они погорячились. В односторонней своей любви ракетной.

Помню, ещё мамина моя, блокаду в Ленинграде всю пережившая, мне между ложками каши манной поясняла:

- Самолётики-то фрицев, как налетят, бывало, как налетят.

Я, открыв рот слушал, и порцию манной бомбёжки не замечал.

- А зениточки-то наши - пух-пух. И отгонят, глядишь, их враз.

- И попадали, сбивали? — логично зачарованно интересовался, обо всём забыв, я.

- Зачем сбивали? Разгоняли совсем. Ох, хорошо их пугали. Зениточки прямо вон в саду нашем Таврическом стояли. Очень они нас защищали.

Мне такие результаты, конечно, не нравились. И всё детство мы с приятелями дворовыми и школьными в саду нашем, в саду моей ранней юности, искали следы стоянки наших зениток и падения вражеских самолётов. Ходила тогда молва, что в Таврический упал самолёт самого Талалихина. Мы, конечно, не верили. Мы искали следы фашистских самолётов. Иначе быть и не могло. А то как же так? Мы победили! Ленинград врагу не

сдался. Зенитки стреляли. Должны были быть сбитые самолёты. И мы искали. Это было нашей главной целью. Всех наших игр в саду. Построенным крепостным людом по велению князя Таврического. Сначала для Екатерины. Оказалось — для нас.

О чём мы думали уже в пору зрелости.

В те годы я ни зенитчиком, ни лётчиком не мечтал стать. Я хотел открывать шлагбаум.

На каком-либо перекрёстке с железной дорогой. Чем это меня привлекало, объяснить себе до сих пор не могу. Но, видимо, неприхотливость моих детских устремлений наложила отпечаток на весь жизненный путь. И никем заметным мне стать не суждено было.

Вот мой детский дружок, по дому и по школе, Ванька Фёдоров, в те

времена, бегая по саду, хотел стать зенитчиком. И сбивать вражьи самолёты. У него отец геройски погиб. Он его даже не помнил. Но считал, что он был не лётчик. Стало быть, зенитка ему была ближе. Он с дошкольного возраста рвался в армию. И дорвался. Его мать отдала в музкоманду. У него слух был феноменальный. На маленькой старенькой гармошке сам всё, что угодно подбирал. Но хулиган был Ванька - не из последних. На пионерском слёте обещал сыграть на своём «аккордеоне» что-то из Моцарта. Объявили, на сцену вышел, в алом шёлковом пионерском галстуке. Не в своём. Ему дала пионервожатая.

Тогда галстуки были двух сортов. Сатиновые и шёлковые. Дешевле и дороже. Можно было узнать сразу же, кто как живёт. Получше или похуже. И форма школьная тоже: фланелевая и суконная. Иван Фёдоров, исполнитель Моцарта, сел на сцене, на специально вынесенный для него табурет и ... заиграл песню Раджа Капура из «Бродяги»: «А-ба-ра-я-а! Бродяга я-а!...»

После этого мамашка его и устроила в музкоманду. А он классно играл на ударных. На барабане и ксилофоне. И в музкоманде был «юным барабанщиком». В девятом классе мы пошли специально на первомайскую демонстрацию, вклинились в самую правую по ходу колонну, чтоб пройти рядом с Александрийской колонной. Вокруг неё квадратом стоял сводный гарнизонный оркестр. Ванька в потрясном красном мундире с аксельбантами, с барабаном, стоял в первой шеренге. Мы ему всей компанией школьной орали, тормозили движение праздничное. Он увидел нас – оценил. Стал палочками жонглировать, барабанить, видать, что-то своё, как тогда на сцене. И для нас, и для него было счастье – неопишущее.

Уж не знаю, за это или за что другое, но «списали» Фёдорова в простые войска потом. Зенитчиком не довелось ему побывать. Но зато играл главного ударника в оркестре Лундстрема.

Другой мой детский друг – Деник – хотел стрелять из орудия. Но на счёт длительной службы в рядах – сомневался. И с юных лет имел привычку в неясных ситуациях – заикаться. На медкомиссии «дозаикался» до службы в стройбате. Но до чего был хитрый, сучок! К девкам на улицах «клеиться» - так первый соловей. А как в троллейбусе контролёр – так старушка какая-нибудь обязательно заступится: не трогайте, пожалейте, вишь, слова сказать малец не может. Ему и в стройбате подфартило. В центре Москвы гостиницу строил. Я с товарищем, Саввой

Буевым, на практику в Таджикистан ехал – проведаль. У нас только на мороженое было, а он портвейна приволок. У них уже тогда натуральный обмен с населением был налажен.

Но зенитки тоже не довелось Вовке Денисову увидеть. Может и хорошо. Его в своё время Ванька Фёдоров спрашивал:

- А как ты «огонь» командовать станешь? Протяжно, да? Конца не дождёшься.

На что прохиндей наш, строитель, кстати, будущий, резонно отвечал:

- В зенитных войсках служило, и сейчас наверно служит, много женского пола. Я там буду командовать. Будь спокоен, не посрамлюсь. Как некоторые на сцене.

Мне тоже ничто, вроде, не предвещало встать под длиннющим зенитным дулом. В моряки тянуло. Не удавалось никак. Были мы в восьмом классе, когда Гагарин в космос полетел. Радость, гордость, удивление – излишне это описывать. После первого спутника, Белки и Стрелки у нас, кажется, и сомнений не было, что наш и только наш человек будет там первым. А в космонавты ни я, ни мои ближайшие дружки, как-то и не мечтали попасть. Честно говоря, никто толком и не знал, куда подаваться с заявлением для этого надо было.

Вот в физики к концу школы очень многие желали двинуть. На эти факультеты были конкурсы огромные. Для облегчения попадания туда и ринулись все в ШРМ и на работу. За двумя годами стажа. И льготами при поступлении. Как только родители ни пристраивали своих чад придуриваться на двадцать три месяца. С учётом отпуска.

Со мной уже ясно. Я после своего первоначального рабочего опыта до сих пор в глазах у собеседников вижу снисхождение. Как к придурку. Завязываю с кем-нибудь, к слову, разговор:

- Да, я вот начинал трудиться в пятнадцать лет.

Естественно, сразу спрашивают:

- Где ж это?

Предчувствуя дальнейший ход беседы, с тайной гордостью, якобы, сообщаю:

- В Военно-медицинской академии. Ленинграда.

Заинтересовываются далее на сто процентов все:

- Это кем же?

Думают, что уж, как минимум, я стал тогда опытным медбратом.

А я - индеферентно так:

- Слесарем.

Тогда уже я стал проникаться к себе тайной гордостью. Может, выражение летучее – «слесарь-гинеколог» - берёт начало отсюда. Из моей рабочей юности. Больше мне себя тешить, похоже, особо и нечем. Только жаль очень. Авторства здесь мне не доказать.

А к зенитчикам, из своих школьных товарищей, причалил я один. После военной Кафедры Ленинградского Горного института.

Да, если уж сам Воланд с удивлением заметил: «Как причудливо тасуется колода!»⁶ Так ведь это он, о ком сказал? А тут я про себя осмеливаюсь приплести. О слесаре-гинекологе. Но, правда, и о своих институтских друзьях и однополчанах тоже.

Вот и удивительно мне: почему на кафедре военной в Горном решили готовить зенитчиков? В каком Министерстве, в какой мудрой похмельной чиновничьей головке такое решение сверкнуло? Нет, я очень этому рад. Истинно. Этим мне и моим друзьям судьба подкинула прорву интереснейших приключений. И всё же – почему? Почему не ракеты, не танки? Или сапёры? Геологи, горняки... К земле как-то ближе.

Зенитки тогда стали нужнее. Это ясно. Но я знаю, что, к примеру, в Бонче⁷ на «военку» заставляли ходить даже девушек, много стрелять из автоматов, и вообще всё у них было с каким-то пехотным уклоном. (Если и приврал чего – извиняйте).

Мишутку Иванова спрашиваю, уже будучи в «сапогах», не единожды:

- Слушай, разумный-благоразумный, систематизатор. Почему мы стали в небо пулять? А не рыть секретные совершенно штольни, шахты, туннели, например?

- Э-э! Вадя, - закатывая глаза к этому самому небу, поучал меня Мишутка, - Знать тебе, смерду, этого не дано. Не потому, что ты, Вадя, ограниченный какой-нибудь. Все мы где-то амёбы примитивные.

Мишутка очень в сущности своей деликатный человек. Он таким уродился и в том его величайшее достоинство. Вот и мне он ни словечком не напоминает о моём, положим, слесарном начальном образовании.

Белый Ус, к примеру, совершенно другой человеколюб. На тот же мой

6 М. Булгаков. «Мастер и Маргарита». Глава 22, «При свечах».

7 «Бонче» - Ленинградский институт им. Бонч-Бруевича.

Радиоэлектроника – их кредо было. Это я про них помню.

крик души: «Почему?», он блаженно зажмурил один глаз. Другой нагло увёл вверх и вправо, будто выполнял противозенитный манёвр самолётный. Уверен я. Если Белоусик был бы лётчиком, то вылетая на задание бомбить мост, по первоначально плевал бы на это. Зажмурив левый глаз, тихо подкрадывался бы к зениткам, и сбрасывал бы на них всё что взрывается, горит, лопается, растекается.

И так мне молвил Белоусик:

- Не пытайся умничать, Вадя. Твоих любимых героев я знаю. Они мне уже осто...ли. А мой любимый герой тебе бы сказал: «Не важно, какие дороги мы выбираем. Важно, что заложено внутри нас»⁸. Не хотел служить военным эскулапом - вот теперь иди и выпрямляй погнутые стволы зенитные.

А ведь прав, паразит! Да что же получается? Так всю жизнь и слесарить мне? (Пусть не обижаются на меня Кулибины и другие, блох подковывающие). Ладно. Поглядим ещё, ребята. Я буду вспоминать, а Вы, если сподобитесь, читать и плевать.

Продолжим.

Спрашиваю о том же Борьку Попова. Вечно задумчивого, загадочно улыбающегося, чистопородного поручика лейб-гвардии. Ни в коем случае не путать с поручиком Ржевским:

- Слушай, Поповщина, почему мы в ствольной зенитной артиллерии оказались?

Борю никакими вопросами ни врасплох застать нельзя, ни «достать» невозможно – он выше всего этого. Да и смотреть старается - или мечтательно в небо, или – философски, под ноги, в землю.

- Да. Очень ты затрагиваешь проникновенно проблему. Мне, конечно, ближе Эдельвейсы и горноегерское снаряжение. Хотя на всю армейскую субординацию я с удовольствием бы положил С прибором.

И Гарбузёнка, несостоявшегося комсомольского вожака, спросил я. Ответил мне Гришка:

- Прав ты, старичок, прав. Видишь, что-то простудился я как бы. Ломота в членах присутствует. Это не аборт делать подпольный. Серьёзней будет. Мне бы сейчас даже не стакан. А компресс на всё тело. Из

8 Мишаня Белый Ус цитирует из О'Генри.

⁹ Далее буду и так и так писать. Я узнавал, «у кого надо», это можно. Не возбраняется. Тем более, я пишу - я и хозяин. Главное, запомните, друзья, я вам не врал и не буду. На этих страницах.

противоположного пола собранный...

Мишенька, в итоге, ближе всех подобрался к осмысливанию. Но и к дальнейшему словоблудию тоже:

- Вадя! Служить два годочка после «Горняшки» нам надо? Надо. Это – необходимость. Попали мы в зенитную епархию? Попали. Это – случайность. Диалектика! Необходимого и случайного.

Очень гордый собой и довольный, смотрел прямо на меня своими ясными голубыми глазами, будущий помощник начальника штаба отдельного зенитного дивизиона.

Печенговского.

Или Печенегского, без разницы⁹.

2. Диалектика

Какое было золотое время!

Нет, вот - представьте себе. В наши дни олигарха сослали в регион Краснохолмска. Вряд ли он доволен. Мы тогда ехали с превеликой радостью на практику в Краснохолмскую экспедицию. Или в Краснокаменскую. Я туда рвался. Диплом сочинять. Во вторую очередь. В первую очередь – увидеть величайший размах добычи стратегического сырья. Побывать в необозримых диких забайкальских просторах. Половить сомов в Аргуни. Увидеть на футбольном поле ссыльного легендарного Эдуарда Стрельцова. Получить по морде от местных горняков на танцах. Как это и положено. Заработать очень приличные, по тогдашним меркам, деньги. Это за три месяца практики. Фантастика!

И главы диплома лепить из отчётов экспедиции. Ходить в спецбиблиотеку. Предъявлять допуск из Горного института и брать секретные отчёты.

«Место встречи изменить нельзя» смотрели? Один из наших шедевров. Как Жеглов научил Шарапова беречь секретные бумажки? Многих это злило, начиная с командира роты разведки. Героя фильма. И среди зрителей тоже. По жене своей знаю.

С утра мы с Борькой Поповичем взяли по отчёту. Чтоб выписать содержание и примерные запасы урана. И ещё кое-что экзотическое. Сели в пустом кабинетике. В обед сунули отчёты в письменный стол. Пошли в буфет. Талоны бесплатные. Кормили – так я уже давно не питаюсь.

Пришли... Ну, Вам понятно, да? Пот холодный, коленки ходуном. К библиотекарше – стальная дверь на звонок не отвечает. Час ждали, обед у обоих дураков обратно попросился. Зашла к нам в кабинетик сама библиотекарша. Мудрая женщина. Спрашивает:

- Вам всё понятно, мальчики? Вы к нам сюда хотели бы вернуться по распределению или по этапу?

Низкий ей поклон. За предметный урок.

Ведь это нас спасло в будущем от огромных неприятностей. Когда мы Павлючину склонили заглянуть в сервантик с пистолетиками. И пересчитать их. А то бы...

А как прекрасно было возвращаться по ранней осени в Ленинград. Всем друзьям ставить «сухого». Снисходительно усмехаясь загорелой до черноты мордой, врать обо всём, что было и чего не было. Не считая копеек, девушек водить в «Север». Причём новых. Предыдущие обычно не дожидались. И не только у меня так бывало. А вспоминать об этом всё равно томительно приятно...

Приходилось учиться. В институт ходить. Чтоб не отправиться исполнять священный долг. До получения диплома.

Я пару раз подходил к опасной черте. Да, вру, больше. Первый раз ещё в Политехе. Там начинал учиться. На металлурга. Уж потом с другом юности перешли в Горный. Он меня сманил. Славка Був. Сейчас, узнав, что я пишу эти строки, жалеет. Лучше б, говорит, ты остался сталь варить. А то в третьей области уже копать разводишь. Да, вру, в четвёртой. Если считать горбатую перестройку, ельцовский бандитизм. Опять меня заносит не туда...

Так на втором курсе металлургического фака гордыня попутала. В зимнюю сессию. На теормехе во втором вопросе. Теорема Кёнига (что-то в этом роде). Ушёл с экзамена. Ну, мне доцент выписал лекарство. Ещё два раза ходил. Стало это у меня привычкой потом. В тот раз так одурел – чуть башню не снесло. Пошёл прогуляться ночью на Неву. Встретил своего двойника. До сих пор мороз по коже. Об этом как-нибудь. Отдельная тема. Савва Був тоже своё подобие видел. В очереди в кино. Он веселился, а двойничок в ужасе сгинул. Я ж говорю: специальная загадочная глава.

А в Горном философия у меня поперёк горла встала. С доцентом